

Биографический отдел

15 марта. Совет у Оксаны

Идеи унести при публикации
(Иновационная программа ГИИ,
представить свои соображения)

Мои «Словарь международных
счетов и типов».

Транты Кениана через Воронку.

Перевод Галии Юнусовой,
Гузели Галбутдиной
через Лилию Шакир. на дискете.

Коро в аспирантуру? К 27 марта
Может, пропускать? Подать бумагу

27 марта. - Совет, в 12 ч. Окан

За выставку образцы лит-ры,
книжки за последние 5 лет.

Фотографии кафедры 20 апр.

Биографический отдел

Воспоминания

М. А. Тупеев

Студент и аспирант БашГУ 1991-го–2004-го годов

Ромэна Гафановича впервые я увидел во время учёбы на первом курсе. На дворе стоял 1991 год. Первое впечатление вполне себе яркое: седовласый и благообразный мужчина в светло-сером пиджаке и жилетке, при галстукe и в очках, прогуливался по коридору с папиросиной, дымил и живо перебрасывался репликами со проходившими студентами и преподавателями.

Поскольку в ту пору Назиров не читал у нас никаких лекций, более подробного мнения составить я не мог. Но образ в сознании отложился.

Первый курс, надо признаться, я помню довольно смутно, и окрашенным не в академические, а в рок-н-рольные цвета. По той простой причине, что на том этапе исторического развития меня больше волновала музыка. До такой степени, что пришлось сделать крюк длиной в срок армейской службы. И вот после демобилизации, вернувшись в родные стены альма-матер изрядно поумневшим и возмужавшим, я наконец смог оценить масштаб личности Ромэна Гафановича по достоинству.

Когда на втором курсе пришел черёд выбирать кафедру, на которой предстояло специализироваться, сомнений у меня не возникло. Я отчетливо видел только один возможный вариант.

Помню, как восторженно за ужином рассказал маме, что профессор Назиров во время краткой презентации представил свой предмет убедительнее всех других кафедр. Решение было осознанным и твёрдым: что может быть увлекательнее и глубже русской литературы XIX века? Вероятно, уместно будет упомянуть и о некоем мистическом переживании: во время того памятного выступления профессора я увидел даже какое-то свечение. Для себя я назвал это явление «светом правды и учёности» и воспринял его как указание свыше.

Узнав, что я отслужил в войсках, Ромэн Гафанович с ходу назначил меня старостой своей группы, и такое доверие, конечно, окрыляло.

Помню, как на одном из первых занятий Назиров повел нас в университетскую библиотеку знакомиться с библиографическими тонкостями. «Через какое-то время здесь должны появиться ваши монографии». Понятное дело, мы улыбнулись такому авансу, но и задумались одновременно. . .

* * *

Ромэн Гафанович обладал хорошо поставленным голосом и приятным тембром. Слышно его было в любом месте аудитории. И думаю, что при всей кажущейся легкости и непринужденности, он старательно трудился над своей артистической подачей. Отточенный талант оратора эффектно выделял его в ряду других преподавателей. На лекциях Назирова студенты не отвлекались, не скучали и не занимались посторонними делами: это было настоящее шоу, в хорошем смысле слова. Очень жаль, что его лекции не были сняты лучшими режиссерами на видео. Куда смотрело уфимское, да и московское телевидение? Ума не приложу. . .

Посреди лекции профессор Назиров любил схватиться за мел и залихватски вывести своим каллиграфическим почерком на доске заковыристое иностранное слово, раскрыв потаённые секреты этимологии. Вдобавок новый термин произносился нашим мастером полновучно и раскатисто. При таком разностороннем подходе нужная словоформа вбивалась в наши молодые головы на веки вечные. У меня в ушах и по сей день звучит неповторимая назировская интонация.

Случалось видеть профессора и бурно эмоциональным. В праведном, по преимуществу, гневе. Он искренне не мог понять неувлеченности своим предметом со стороны обучаемых. Иногда для подобной реакции имелись причины и иного порядка.

Однажды студентка из нашего потока делала дипломный доклад на тему смеховой культуры в эпоху Иоанна Грозного. Назиров сидел в комиссии, силясь сдерживать возмущение, а потом резко встал и покинул помещение со словами: »Да какой там смех?! Он же людей мучил и убивал!».

* * *

Где-то со второго курса, примерно, я начал прицеливаться на написание диссертации. В книге Даниила Гранина про биолога Тимофеева-Ресовского бросилось в глаза важное наблюдение: хороший студент после лекции обязательно подходит к преподавателю с вопросами. И я начал следовать этому правилу, но только тогда, когда лекция вызывала у меня живой интерес. В случае с Назировым такое происходило постоянно. Мы говорили с ним в аудитории, в коридоре, на кафедре. И очень скоро я начал провожать профессора до дома (жил он всего в квартале от университета). По дороге мы успевали охватить великое множество волнующих тем: от джаза и бит-музыки, до политики и религии. С именами, примерами, случаями из жизни. . . Сам Назиров называл такой способ обучения «аристотелевскими прогулками».

А уж когда пришло время написания диссертации, мне выпало счастье обсуждать с моим научным руководителем довольно широкий круг вопросов за чашкой чая, у него дома.

Лично в моих глазах Ромэн Назиров не выглядел человеком с гипертрофированным интересом к какой-то одной национальной культуре. Был ли он галломаном? Может быть. Однако я бы воздержался от подобных определений. Да, он знал досконально писания Дидро и Вольтера и помнил детали из «Христа во Фландрии» Оноре де Бальзака. Однако такими же глубокими познаниями он обладал, к примеру, и в области английской литературы. Осмелюсь сказать, что мне он запомнился скорее даже как англоман. Байрон и Шелли — само собой. Но вот тонкое понимание философии Карлейля и увлечение английским авантюрным романом — это уже изысканные блюда.

Поправить тянущегося к знаниям студента и аспиранта профессор Назиров мог запросто, но не злоупотреблял этим. Его замечания не звучали обидно, но вместе с тем запомнились надолго и мотивировали к самосовершенствованию.

Светлый образ Ромэна Гафановича Назирова на всю жизнь дан мне как один из самых убедительных примеров того, до каких высот может подняться человек, благодаря систематическому интеллектуальному труду, не теряя при этом человечности и внимательного отношения к окружающим.